

Аркадий Аверченко

Черным по белому

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Черным по белому: Рассказы / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию,
2021. – 213 с.

ISBN 978-5-517-97854-7

ISBN 978-5-517-97854-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ты уже большой, многократно ученый—знаешь, какъ и что. Ключи тебѣ даны, довѣріе отцовское оказано—за симъ прощайте. Долженъ ты понимать свою самостоятельность.

— Поблагодари папеньку,—крикнула мать.—Эхъ, народъ теперь. Да я бы за это отцу... ноги бы мыть, да воду пить!

Эта странная формула исчерпывала, очевидно, всѣ взаимоотношенія младшихъ къ старшимъ. Выпитая вода являлась тѣмъ цементомъ, который неразрывно связывалъ членовъ семьи.

Парень Капитоша, опустил мутные сѣрые глаза, конфузливо вздохнулъ и повалился отцу въ ноги.

— Благодарствуйте, тятя.

— Ничего, что тамъ. Лишь бы все, какъ слѣдуетъ.

Вокругъ нихъ столпились пассажиры, съ интересомъ слѣдившіе за этой сценой.

Буфетчикъ расцѣловался съ женой и поклонился пассажирамъ.

— Уѣзжаю я по дѣлишкамъ, милостивые господа. Если что—не взывайте съ парнишки,—молодъ онъ, робокъ. Не забудьте, поучите его.

Лысый купецъ отозвался за всѣхъ:

— Поучимъ.

Зѣвнулъ и отправился спать... Ставились сходни...

.....
Когда пароходъ отчаливалъ отъ пристани того города, гдѣ буфетчикъ собирался устраивать дѣла, мать и сынъ стояли у перилъ и махали платками отцу, пришедшему послѣдній разъ проститься съ ними.

Вѣтеръ трепалъ бѣлыми платками, и полоса воды, между пароходомъ и пристанью, все ширилась и ширилась. Когда пароходъ отошелъ шаговъ на сто, Капитоша пересталъ салютовать, всмотрѣлся въ платокъ и пока-

заль отцу кулакъ. Отець что-то закричалъ съ берега, но не было слышно.

Капитоша облокотился спиной о перила, сложилъ на груди руки и строго сказалъ, глядя на мать сѣрыми, мутными глазами:

— Ну, мамаша... Идите спать!

— Чего-жь я пойду, дурашка. Солнышко-то еще не спряталось.

— Идите спать!—бѣшено взвизнулъ сынъ.—Говорять вамъ—идите! Кто тутъ хозяинъ? Вы или я?

— Охъ, ты-жь, Господи, — пролепетала струсившая мать.—Поди-ты, какой крикливый. Ну-ну.. Иду-иду Ты-жь тутъ смотри, чтобы все...

— Пошла, пошла!

Оставшись одинъ, Капитоша плюнулъ на ладони и попытался пригладить взъерошенные волосы. Потомъ сдѣлалъ попытку выгнуть впалую грудь колесомъ. Ни то, ни другое не удалось ему. Онъ вздохнулъ и поплелся въ буфетъ. Я съ улыбкой послѣдовалъ за нимъ—его поведеніе заинтересовало меня.

Зайдя за стойку, Капитоша вынулъ бутылку французскаго шампанскаго, откупорилъ ее, открылъ широко громадный желтый ротъ, въ которомъ жадно извивался тонкій, сухой языкъ, и въ двѣ минуты перелилъ въ себя всю бутылку.

— Однако!—сказалъ я, удивившись.

— Видалъ?—захихикалъ онъ.

— Видалъ.

— Здорово?

— Да ужъ... Вашъ отецъ будетъ вами доволенъ.

Грудь его вогнулась еще больше и волосы сдѣлались мягкими.

— Товарищъ!—сказалъ онъ. —Господинъ! Долбанемъ еще одну, а?

— Спасибо, я днемъ не пью. И вамъ не совѣтую. Зайдутъ сейчасъ сюда пассажиры, а вы выпивши.

Дѣйствительно, какой-то маленькій чиновникъ зашелъ и, потирая руки, сказалъ:

— Пива.

— Нельзя!—взревѣлъ Капитоша.

— Почему?

— Буфетъ закрытъ.

— Кто его закрылъ?

— Кто? Я, Капитонъ Ильичъ—очень пріятно познакомиться. Со мной, если желаете, выпьемъ. Шампанскаго, бордосскаго... Милый! Если бы ты видѣлъ, сколько здѣсь бутылокъ—самъ чортъ не пересчитаетъ. Пузатенькія, долгія—всякія. Чесстн... слово.

Маленькій чиновникъ потоптался на мѣстѣ, облизалъ губы и неожиданно сказалъ:

— Ну, что-жь, выпьемъ.

Капитоша суетливо вытеръ руку о полу пиджака и протянулъ ее ребромъ, неумѣло:

— Капитонъ Ильичъ, главный буфетчикъ этого парохода.—Садитесь! Ахъ, ты-жь Господи! Вотъ пріятное знакомство. Скажите, саратовскія хористки еще не слѣзли?

— Нѣтъ, ѣдутъ. А что? Вы ихъ... сюда? Это ловко!

Капитоша захохоталъ и молодецкато побѣждалъ наверхъ.

— Зачѣмъ вы хотите пить съ нимъ?—спросилъ я.— Нехорошо.

— Да что онъ, ребенокъ, что-ли,—возразилъ чиновникъ.—Пусть себѣ молодой человекъ повеселится.

Черезъ минуту вошелъ Капитоша, во главѣ четырехъ, жизнерадостныхъ, смѣющихся дѣвицъ.

— Садитесь, барышни. Винцо сейчасъ будетъ, апельсины. Очень пріятно. Я Капитонъ Ильичъ, здѣшній

главный завѣдующій буфетнымъ отдѣленіемъ пароходной компаніи судоходства. Алле!

Слѣдомъ за дѣвицами вошелъ продавецъ коралловъ и старый актеръ, потертый и давно небритый.

— Ты кто? Коралловый торговецъ? Очень украшаетъ и наводитъ кавалеровъ на пріятныя мысли.

Капитоша суетился, бѣгалъ къ стойкѣ, выбиралъ кораллы, платилъ деньги, потомъ увидѣлъ на продавцѣ коралловъ оранжевый галстукъ и присталъ, чтобы тотъ уступилъ ему этотъ галстукъ.

— Расчудесный галстукъ! Продай, чего тамъ.

Повязался купленнымъ галстукомъ, надѣлъ на руки кольца съ кораллами и сталъ открывать бутылки съ виномъ.

Старый актеръ стоялъ въ углу, молча за нимъ наблюдая. Потомъ приблизился и сказалъ:

— Давай мнѣ пятьдесятъ рублей.

Капитоша обернулъ къ нему желтое, потное лицо и прищурился.

— За что?

— Да такъ. Давай. Ты теперь хозяинъ. Чего тамъ! Надо быть самостоятельнымъ.

— Пятьдесятъ рублей, — задумчиво переспросилъ Капитоша.—Ну, на!

— Вотъ такъ. А теперь налей мнѣ шампанскаго.

Одна изъ дѣвицъ обняла просіявшаго Капитошу за шею и сказала:

— Ты дай намъ на счастье, а мы тебя прославимъ.

— Какъ... прославите?

— Будемъ пѣть про тебя. Завсегда такъ. Гостей въ кабинетахъ славимъ.

— Здорово!—сказалъ Капитоша и ревниво добавилъ:

— Только меня что-бъ одного.

— Да, конечно. Ты-жъ хозяинъ. Какъ тебя звать?

— Капитонъ Ильичъ, главный управляющій пароходною частью...

— Ладно! Дѣвицы: Капитоша!

И хоръ дѣвиць нестройно запѣлъ:

Капитоша, Капитоша, Капитоша,
Капитоша, Капитоша, Капито-о-ша-а...
Капитоша-тоша-тоша,
Ша-ша-ша-ша-ша!

Капитоша сидѣлъ на стулѣ, истомленный славой, почетомъ и всеобщимъ уваженіемъ.

— Еще разъ!—попросилъ онъ, закрывъ глаза.

— Капитоша, Капитоша, Капито-оша-а!..

Онъ подперъ щеку рукой и заплакалъ. Это были слезы гордости, радости и сознанія потерянныхъ прежнихъ лѣтъ, такъ глупо прожитыхъ.

— Вотъ оно, настоящее то,—вѣроятно, думалъ бѣдный Капитоша, и сердце его радостно билось.

— Господа—крикнулъ актеръ.—За-мѣ-ча-тель-но-му и раз-про-един-ствен-ному Капи-тону Ильичу—мно-гая лѣ-ѣ-ѣ-та!!

Дѣвицы пѣли... Оборотистый продавецъ коралловъ плясалъ, безъ пиджака, погромыхивая своимъ ящикомъ.

Сумерки загляды вали въ окно...

— Дай мнѣ полтора ста рублей,—попросилъ актеръ,—для устройства театральнаго зданія въ Петербургѣ.— Дашь?

— Дамъ,—сказалъ Капитоша, всталъ, выпрямился и въ невыразимомъ экстазѣ крикнулъ:—Господа! Похожъ я на офицера?

Всѣ нашли, что— похожъ.

Дверь скрипнула и лысый купецъ, шаркая мягкими сапогами, вошелъ въ буфетную.

— А-а... Честная компанія... Это что-же такое?!

Онъ стоялъ съ полминуты, оглядывая всѣхъ. Потомъ

его взглядъ остановился на Капитошѣ, украшенномъ оранжевымъ галстукомъ, бархатнымъ пиджакомъ, купленнымъ у того же торговца кораллами и массой разноцвѣтныхъ колецъ на пальцахъ.

— А-а...—протянулъ лысый купецъ.

Онъ неторопливо завернулъ правый рукавъ, подошелъ къ Капитошѣ, размахнулся и сталъ бѣшено колотить по Капитошиной головѣ, которая, какъ арбузъ на стеблѣ, беспомощно металась изъ стороны въ сторону.

И опять всякая пощечина звучала символически:

— Это тебѣ кораллы! Это дѣвки! Это за отца! Это за мать!

Всѣ потихоньку вышли изъ буфетной.

Утомившись лысый купецъ, присѣлъ за столикъ и приказалъ:

— Пива, подлюга! Если будетъ теплое — голову оторву.

Капитоша втянулъ грудь, прыгнулъ за стойку и, стуча коралловыми кольцами о бутылки, сталъ откупоривать пиво.

КЛУСАЧЕВЪ И ТУРКИНЪ.

(Верхъ автомобиля).

Вглядитесь повнимательнѣе въ мой портретъ... Въ уголкахъ губъ и въ уголкахъ глазъ вы замѣтите выраженіе мягкости и доброты, которая, очевидно, свила себѣ чрезвычайно прочное гнѣздо. Доброты здѣсь столько, что ея съ избыткомъ хватило бы на десятокъ другихъ угловъ губъ и глазъ.

Очевидно, это качество, эти черточки доброты, не случайныя, а прирожденныя, потому что отъ воды и мыла онѣ не сходятъ, и сколько ни теръ я эти мѣста полотенцемъ—доброта сіяла изъ уголковъ губъ и уголковъ глазъ еще ярче. Такъ,—вода можетъ замѣсить придорожную пыль въ грязь, но та же вода заставляетъ блестять и сверкать свѣжіе изумрудные листочки на придорожныхъ кустахъ.

Мнѣ хочется, чтобы всѣмъ вокругъ было хорошо, и, если бы наше бездарное правительство опомнилось, и пригласило меня на должность бесплатнаго совѣтчика—можетъ быть, изъ нашихъ общихъ стараній что-нибудь бы и вышло.

Въ частной жизни я стремлюсь къ тому же: чтобы всѣмъ было хорошо. Откуда у меня эта Маниловская черта—я и самъ хорошенько не разберусь.

Однажды, весной, мой пріятель Туркинъ сказалъ мнѣ вскользь, во время нашего катанья на Туркинскомъ автомобилѣ:

— Вотъ скоро лѣто. Нужно подумать о томъ, чтобы снять этотъ тяжелый автомобильный верхъ и сдѣлать лѣтній откидной, парусиновый.

— Парусиновый?—переспросилъ я, думая о чемъ-то другомъ.

— Парусиновый.

— Автомобильный, парусиновый?

— Ну, конечно.

— Вотъ прекрасный случай!—обрадовался я.—Какъ разъ вчера я встрѣтился съ пріятелемъ, котораго не видѣлъ года два. Теперь онъ управляющій автомобильнымъ заводомъ, здѣсь же въ Петербургѣ. Закажите ему!

Мысль у меня была простая и самая христіанская: Туркинъ хорошій человѣкъ, и Клусачевъ хорошій человѣкъ. У Туркина есть нужда въ верхѣ, у Клусачева—возможность это сдѣлать. Пусть Клусачевъ сдѣлаетъ это Туркину, они познакомятся, и, вообще, все будетъ пріятно. И всякій изъ нихъ втайнѣ будетъ думать:

— Вишь ты, какой хорошій человѣкъ этотъ Аверченко. Какъ хорошо все устроилъ: одинъ изъ насъ имѣетъ верхъ, другой заработалъ на этомъ, и, кромѣ того, каждый изъ насъ приобрѣлъ по очень симпатичному знакомому.

Всѣ эти соблазны чрезвычайно меня утѣшили.

— Право, закажите Клусачеву,—посоветовалъ я.

Туркинъ задумчиво вытянулъ губы трубочкой, будто для поцѣлуя.

— Клусачеву? Право не знаю. Можетъ быть, онъ сдержитъ за это?.. Впрочемъ, если это ваша рекомендація—хорошо! Такъ я и сдѣлаю, какъ вы настаиваете.

Дѣло сразу потеряло вкусъ и приняло странный оборотъ: вовсе я ни на чемъ не настаивалъ; лично мнѣ это не приносило никакой пользы и являлось затѣей чисто филантропической. А выходило такъ, будто Туркинъ сдѣлалъ мнѣ какое-то одолженіе, а я за это, съ своей стороны, долженъ взвалить на свои плечи отвѣтственность за Клусачева.

Я промолчалъ, а про себя подумалъ:

— Богъ съ ними. Зачѣмъ мнѣ возиться... Туркинъ пусть забудеть объ этомъ разговорѣ и закажетъ этотъ верхъ кому-нибудь другому.

Но Туркинъ относился ко мнѣ поразительно хорошо: черезъ недѣлю, встрѣтившись со мной, онъ озабоченно взялъ меня за плечо и сказалъ:

— Ну, что же вы? Я никому не заказывалъ автомобильнаго верха и жду вашего пріятеля Трепачева. Гдѣ же вашъ Трепачевъ?

— Клусачевъ, а не Трепачевъ.

— Пусть Клусачевъ, но мѣрку-то онъ долженъ снять? Я изъ-за него никому не заказалъ, а уже на-дняхъ лѣто.

— Хорошо,—сказалъ я.—Я увижусь съ нимъ и скажу.

— Да, но вы должны увидѣться, какъ можно раньше! Не могу же я, согласитесь, париться подъ этой тяжелой душевной крышкой.

Въ тотъ день я былъ чѣмъ-то занятъ, а на другой день мнѣ позвонили по телефону:

— Алло! Это я, Аверченко.

— Слушайте, голубчикъ... Ну, что были вы уже у вашего Муртачева?

— Клусачева, вы хотите сказать.

— Ну, да. Не могу же я ждать, согласитесь сами. Вы уже были у него?

— Только вотъ собираюсь. Вѣдь этотъ заводъ на краю города. Ужъ у меня и извозчикъ заказанъ. Сейчас ѣду.

Дѣйствительно, нужно было ѣхать.

Клусачевъ былъ хорошій человѣкъ и встрѣтилъ меня тепло.

— А, здравствуйте! Вотъ пріятный гость.

— Ну, скажите мнѣ спасибо: я вамъ заказикъ принесъ.

— А что такое?

— Верхъ для автомобиля одному моему пріятелю.

— У него ландолэ?

— Н...не знаю. Можетъ оно, дѣйствительно, такъ и называется. Беретесь?

— Взяться-то можно, только вѣдь эта штука не дешевая. Обыкновенно, думаютъ, что она дешевая, а она не дешевая.

— Ну, вы бы по знакомству скидку сдѣлали.

— Скидку? Ну, для васъ можно сдѣлать по своей цѣнѣ. Ладно! Обыкновенно, эти заказы не особенно интересны, но разъ вы просите—какіе же могутъ быть разговоры,...

Всѣ краски въ моихъ глазахъ сразу потускнѣли и сдѣлались сѣрыми... Эти люди не видѣли въ моихъ хлопотахъ простого желанія сдѣлать имъ пріятное, а упорно придавали всему дѣлу видъ личнаго мнѣ одолженія.

Бдучи обратно, я думалъ: что стоило бы мнѣ просто промолчать, въ то время, когда Туркинъ началъ разговоръ объ этомъ верхѣ... Онъ бы заказалъ его въ другомъ мѣстѣ, а Клусачевъ, конечно, прожилъ бы самъ по себѣ и безъ этого заказа.

Нѣкоторые писатели глубокомысленно сравниваютъ жизнь съ быстро мелькающимъ кинематографомъ. Но кинематографъ, если картина не нравится, можно пустить въ обратную сторону, а проклятая жизнь, какъ бѣшеный быкъ, претъ и ломитъ впередъ, не возвращаясь обратно. Хорошо бы (думалъ я) повернуть нѣсколько дней моей жизни обратно до того мѣста, когда Туркинъ сказалъ:

„Нужно сдѣлать откидной верхъ“... Взять бы послѣ этого и промолчать о Клусачевѣ.

Не течетъ рѣка обратно...